

Рассказ Р. Геллера о семье Дайчман. Семейное фото, Фрамполь 1938

Передо мной — единственная довоенная семейная фотография, на которой изображены все жившие на тот момент члены большой и дружной семьи Дайчман. Позднее появились на свет ещё двое: моя двоюродная сестра Инна, дочь дяди Бориса и его жены Сони, и я, Роман, сын Ривы Дайчман. Но это уже была другая история...

А фотография, сделанная в 1938 году во Фрамполе, уникальна для нашей семьи тем, что это был, пожалуй, единственный и, к сожалению, последний раз, когда все дети, уже пережившие, съехались в гости к родителям во Фрамполь. Незамужней оставалась лишь младшая дочь моих бабушки и дедушки — тётя Маня. После этого, возможно, в отдельности, и приезжали мамы братья к родителям, не знаю, но наверняка точно знаю, что в 1940 г., когда мне был уже 1 год, моя мама приезжала со мной на лето к родителям во Фрамполь.

Тогда же приезжала к своим родителям, тоже жившим во Фрамполе, и Людмила Исааковна Кецельман (урожд. Ландер), тётя Люся, со своей, тоже годовалой дочерью. В 1991 г. тётя Люся рассказывала мне, как она и моя мама гуляли с нами, сидящими в детских колясках, за околицей местечка. Трогательная деталь...

Но продолжаться мирной жизни оставалось недолго, вскоре началась война, резко изменившая судьбы всех членов семьи, и в которой не всем суждено было выжить: в Катастрофе погибли дедушка Шлёма, бабушка Песя и тётя Маня.

Теперь обо всех по-порядку... В центре фотографии — дедушка Шлёма и бабушка Песя, о которых мы знаем сейчас очень мало. Дедушка — Шлёма Беркович Дайчман (1879—1942), известны имена его родителей — Ента и Борис. Ещё до революции

дедушка, который по социальному положению считался бедняком, работал на дому портным, как кустарь-одиночка и, как рассказывала моя мама, многие жители Фрамполя приходили к нему шить одежду. В 1926 г. дедушка вступил в члены артели, где работал до начала Великой Отечественной войны... Бабушка — Песя Берковна Дайчман, урожденная Каплун (1881 — 1942), имена её родителей также известны: Лея и Борис. Родив четверых детей, бабушка Песя была домохозяйкой, она поддерживала в доме тепло и уют, прекрасно готовила. В доме соблюдались еврейские праздники и традиции, которые, к сожалению, после войны были утрачены, как и язык идиш, на котором мама могла немного говорить, и помню, когда мама с папой хотели о чём-то поговорить, что было не для наших, детских ушей, они переходили на идиш. Всё это печально, но так было и, наверно, не только в нашей семье. Печально и то, что дедушку и бабушку я не запомнил, т.к. они погибли в 1942 г.

Слева от дедушки сидит тётя Маня, Мария Соломоновна Дайчман (1918/19 — 1942). Она погибла вместе с родителями в дни массового расстрела евреев 30.10.1942 (по еврейскому календарю 19.10.1942) на территории воинской части вблизи ст. Ярмолинцы бывш. Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) обл., Украина. О тёте Мане мы также очень мало знаем. Мамин брат дядя Иосиф всегда вспоминал, что тётя Маня очень хорошо пела. Известно и то, что она хотела приехать в гости к братьям и сестре в Киев, кажется, в 1940 г., но что-то тогда помешало, и она осталась во Фрамполе с родителями. А недавно я узнал, что и после войны её хорошо помнили некоторые старожилы, благодаря чему одна неожиданная встреча во Фрамполе (ныне с. Косогорка) в ноябре 2008 г. помогла узнать ещё крупницы сведений о маминой сестре...

Старейший житель села М. А. Комарницкий вспоминает, как однажды он шёл из конюшни, где работал в начале войны, и проходил мимо дома, где жила семья Дайчман.

Маня сидела перед домом на лавочке. Она позвала его: «Миша, иди сюда!» Спрашивает: «Миша, что с нами будет дальше?» Миша ответил: «Не знаю, Маня, увидим». И тогда она сказала: «Я так хотела выйти замуж, иметь мужа, семью, детей»... Пока говорили — отец вышел из дома (мой дедушка Шлёма!), высокий (только сейчас я это понял, глядя на семейную фотографию 1938 г.), ходил по двору, смотрел... Маня: «Хотела учиться»...

Разошлись, Михаил пошёл домой, её оставил на лавочке... Вот и всё...

Остались лишь вечная память и старая фотография..

Справа, рядом с бабушкой Песей, сидят мои родители: мама Рива Соломоновна Дайчман (в замуж. Геллер, 1915—1990) и папа Нафталий Гершович Геллер (1914—1979). В 1930 г. мама окончила неполную среднюю школу, затем, в 1932 г. педагогические курсы в Каменец-Подольском, после чего учительствовала в школе у себя на родине — в расположенном недалеко от Фрамполя с. Песочное Солобковецкого р-на. В 1934 г. мама приехала в Киев и вначале училась на рабфаке фармацевтического института, а в 1936 г. поступила работать библиотекарем в библиотеку АН УССР. К тому времени уже два года в Киеве жил брат мамы Борис, который учился в аспирантуре при институте физики АН УССР и проживал в общежитии, находившемся на территории Киево-Печерской лавры. Там же поселилась и мама. В конце 1937 г. На одном из праздничных вечеров в АН УССР мама познакомилась с папой, который к тому времени тоже уже работал в институте физики АН УССР. А в марте 1938 г. мои родители поженились. У меня сохранились самые тёплые воспоминания о родителях. Мама — добрая, весёлая, заботливая и отзывчивая, прекрасная хозяйка. Так же, как и её погибшая младшая сестра Маня, мама хорошо пела украинские и еврейские песни. Папа после войны до самой пенсии работал преподавателем физических методов разведки в Киевском геолого-разведочном техникуме, где подготовил множество специалистов по поиску урановых месторождений. Большой труженик, любитель театра, играл на пианино, а мама пела. Папа очень любил маму, и я не припомню случая, чтобы они когда-либо ссорились. Вечная им память!

В центре фотографии, между бабушкой и дедушкой, стоит маленькая девочка, которой тогда не исполнилось ещё и четырёх лет. Это Майя, дочь маминого брата Иосифа Соломоновича Дайчмана (1908—1998) и его жены Фриды Соломоновны Авербух (в замуж. Дайчман, 1907—1987). Иосиф и Фрида на фотографии стоят справа во 2-м ряду. Сегодня Майя вспоминает некоторые подробности тех далёких лет, которые врезались в её детскую память. Ей запомнилось, как её дедушка по маме Авербух Шлёма — невысокий, с пышной окладистой белой бородой, одел однажды талес на голову и повёл её во фрампольскую синагогу.

Она даже запомнила комнату молельного дома с деревянными столами. Бабушка Майи по маме была парализована, поэтому, когда родители Майи уехали из Фрамполя искать лучшей доли, она какое-то время находилась у дедушки и бабушки отца — в семье Дайчман. В начале 1930-х годов Иосиф с Фридой уехали в г. Днепродзержинск, где устроились работать на завод тяжёлого машиностроения, работали очень тяжело, Фрида рассказывала, как ей приходилось таскать трубы. Там же, в Днепродзержинске, жила в то время ещё одна фрампольчанка — Дора Гилис, с тех пор они дружили всю жизнь...

Предположительно, в 1937 или 1938 году Иосиф с Фридой переехали в Киев, сначала без дочери, снимали угол на ул. Свердлова (бывш. Прорезная). Иосиф устроился работать портным — пошёл по стопам своего отца. Затем они получили комнату в коммунальной квартире на ул. Фрунзе на Подоле, что в нижней части Киева. Тёмная комната без окна, удобства во дворе, во двор часто приезжал старьёвщик, собирая старую одежду, и иногда жильцам дома от него что-то перепало. Туда же привозили молоко, а в больших плетёных корзинах булочки. Как ни бедно и трудно жили, но это была мирная жизнь...

Началась война... Майе запомнилось, как дети вместе со взрослыми рыли окопы, враг уже бомбил Киев. В первые же дни войны Иосиф Дайчман ушёл на фронт. Вот как Майя запомнила эпизод, когда папа пришёл домой прощаться: «Я никогда этого не забуду — он пришёл в военной форме, взял меня на руки, и я увидела, что в нагрудном кармане торчат иголки. Я спросила: «Папа, куда ты идёшь?» Он ответил: «Ты, разве, не видишь, что я иду на работу?». Иосиф участвовал в обороне Киева, воевал под Сталинградом, где был ранен, окончил войну в Германии.

Для остальных была вначале эвакуация. Уезжали из Киева 7 июля 1941 года. Суматоха при посадке на пароход — крики, плач детей, некоторые падали в воду. На пароход сели в тот день почти все наши — мои мама, папа и я, Фрида с Майей, сестра Фриды Геня, жена Бориса Дайчмана Соня с дочерью Инной, и Аня Смолкина — сестра Сони. Началось страшное путешествие к месту эвакуации, сначала на пароходе, потом в поезде, через Сталинград в Уфу, в Башкирию. Моя мама часто рассказывала, что, когда прилетали самолёты бомбить, все выбегали из вагонов и прятались, кто где

мог — под вагонами или в лесу. Все мы тогда уцелели чудом. А главным чудом было то, что всем нам повезло вообще уехать из Киева. Помог нам в этом мамин брат Борис Соломонович Дайчман (1909—1962) — на фото стоит 2-й слева, который уже закончил аспирантуру и работал научным сотрудником в институте физики АН УССР, и потому единственный из всей нашей семьи имел бронь. И хотя дядя Боря не смог тогда же с нами уехать, это дало ему возможность отправить всех своих родственников в Уфу, куда эвакуировалась АН УССР. Так нас миновала страшная участь тех людей, которые ушли в Бабий Яр...

В эвакуации мы с мамой жили в посёлке Нижне-Троицкое Туймазинского р-на, а тётя Фрида с Майей поселились в 10 км от нас, в посёлке Верхне-Троицкое. Мама работала делопроизводителем в Нижне-Троицкой средней школе, я ходил в детский садик. Часто мама уезжала на подводе в Туймазы за продуктами для школы, а я в такие дни оставался на ночь в детском саду. В мою память на всю жизнь врезался эпизод, когда однажды в детском саду ночью я встал с постели, вышел в коридор, залез на подоконник и всматривался в зимнюю, заснеженную ночь, пытаюсь увидеть, не возвращается ли мама. Наутро я был вознаграждён — приехала мама, пришла за мной и вручила мне самый ценный в мире подарок — малюсенькое райское, как его называли, яблочко. Тогда это было, действительно, маленьким чудом...

После эвакуации только мы с мамой и жена маминого брата Фрида с дочерью Майей и сестрой Геней вернулись в Киев. Семья маминого брата Бориса осталась в Уфе. Из того времени и мне уже многое запомнилось. Возвращались мы в августе 1946 года, когда, демобилизовавшись из армии, за нами приехал мамин брат Иосиф. Помню переполненный до отказа зал ожидания на ж.-д. вокзале, огромную плотную очередь в кассу и толчею возле неё. Добраться до кассы было большой проблемой, и только благодаря дяде Иосифу нам удалось достать билеты. Хорошо запомнился дядя Иосиф — такой худой-худой, в шинели, с наградами на груди. В те дни присутствие фронтовика было чем-то особенным, и мы им очень гордились. Затем была посадка в поезд, которую я тоже очень хорошо запомнил. Давка у вагона — невообразимая, крики взрослых, плач детей. Кто-то из наших первым протиснулся в вагон, после чего мама передала меня через открытое окно.

Ехали сначала поездом на Москву (сразу вспоминаются слова В. Высоцкого: «...А из эвакуации толпой валили штатские»), затем была пересадка на киевский поезд и приезд в мой родной город Киев. Запомнил даже как мы с мамой и с папой, который нас встретил, папа после демобилизации уже работал, добирались домой — на подводе. Сначала от вокзала по улице Коминтерна, дальше направо по бульвару Шевченко вдоль Ботанического сада и затем свернули на свою ул. Тимофеевскую, позднее переименованную в Мих. Коцюбинского. Уже в следующем году в нашей семье появилась на свет моя сестричка Линочка, которой не суждено было долго прожить — она безвременно ушла из жизни в 35 лет.

Семья дяди Иосифа Дайчмана поселилась в Киеве, сначала на Подоле, а года через четыре переехала на ул. Чудновского, ныне ул. Репина. После войны дядя Иосиф много лет проработал закройщиком, как и погибший в Ярмолинцах его отец — мой дедушка Шлёма, который работал портным во Фрамполе до войны. И. С. Дайчман был очень известным в Киеве портным по индивидуальному пошиву верхней дамской одежды. Он работал в самых престижных мастерских Киева, обшивая в числе прочих, жен руководителей, как тогда говорили, партии и правительства. Не зря его считали большим мастером своего дела, подлинным виртуозом с золотыми руками. А в 1982 г., в 75-летнем возрасте, дядя Иосиф получил даже золотую медаль ВДНХ — свою единственную гражданскую награду. Вспоминается также один забавный эпизод, связанный с его профессией. Помните кинофильм «Дамский портной» со Смоктуновским в главной роли? Фильм снимала киевская киностудия им. А. Довженко, и дяде предложили быть консультантом картины, он уже был на пенсии, но дочь его не пустила даже тогда, когда за ним приехала к дому чёрная «Волга», испугалась одного вида этой машины. Так дядя Иосиф не стал консультантом картины...

Но вернёмся к рассказу о Б. С. Дайчмане. Дядя Борис был яркой незаурядной личностью. Как и его брат и сёстры, обладал ровным, добрым характером. Окончил во Фрамполе школу в 1928 г., поступил в Каменец-Подольский педагогический институт, который окончил в 1932 г. И сразу же был направлен и поступил в аспирантуру при институте физики АН УССР в Киеве. После окончания аспирантуры в 1936 г. был оставлен на работе

в том же институте в качестве научного сотрудника. Потом была эвакуация вместе с АН УССР. В апреле 1942 г. был призван райвоенкоматом Уфы в ряды Советской Армии и послан на курсы в Высшее политическое училище в г. Шуя, после окончания которого был направлен на Воронежский фронт. Там занимал должность ст. инструктора по работе среди войск и населения противника в политотделе 237 стрелковой дивизии, в составе которой воевал до конца войны. После окончания войны Борис Дайчман работал лектором дома офицеров в Германии, а в 1946 г. был направлен на работу в органы информации Советской военной администрации в Германии. В этой системе работал начальником радиовещания Дрезденской радиостанции и референтом по партиям при управлении Дрезденской комендатуры. В 1950 г. был переведен на работу в ШМАС (Школу младших авиационных специалистов) в г. Стерлитамак (Башкирская АССР).

В этом же году дядя Боря приезжал в Киев, где по памяти восстановил пропавшую во время войны и ещё до войны подготовленную к защите диссертацию и вскоре защитил её в Киеве. После защиты диссертации был демобилизован из армии и направлен на работу ст. преподавателем в Уфимский Авиационный институт, где вскоре стал зав. кафедрой физики и в этой должности работал до своей преждевременной смерти в 1962 г.

Рядом с Борисом Дайчманом на фото: справа его жена Соня — Сара Хоновна Смолкина (1915 г. р.), а слева — сестра Сони Анна Хоновна Смолкина (в замуж. Петрова, 1921—2002), после войны также вместе со своей семьёй проживавшая в Уфе, работая многие годы технологом на заводе.

Замечу, также, что и мне довелось жить и учиться в Уфе в том же Авиационном институте, где я встретил много прекрасных людей, и никогда не забываю своих институтских друзей, с которыми все годы поддерживаю связь.

Семья Дайчман, Фрамполь, 1938 г.

*Фрида Дайчман и Рива Геллер в эвакуации
с детьми Майей и Ромой, Башкирия, 1944 г.*

*Н. Г. Геллер и Р. С. Геллер,
родители Р. Геллера,
Киев, 1938 г.*

*Б. С. Дайчман
с женой Соней и дочерью Инной,
Германия, 1947 г.*

И. С. Дайчман с женой Фридой и дочерью Майей, Киев, 1955 г.

Пушкинское землячество фрампольцев

Появление и разрастание пушкинской общины (Пушкино — город в Московской области) можно отнести к одному из самых впечатляющих феноменов образования землячества из людей, утративших среду своего детства, но сохранявших ее столь замечательным образом. Ядром землячества было семейство Мермулисов со своими детьми, но вокруг них группировались не только те, кто постоянно жил в Пушкино, но и приезжавшие отовсюду потомки. Нами помещены сведения, полученные, в основном, от одного из потомков фрампольцев, живущим в Пушкино, Игоря Кецельмана, но и не только: наше представление сложилось также из бесед с другими потомками фрампольцев.

Зарождение пушкинской общины фрампольцев относится к 1933 году, когда в Москву из Фрамполя первой прибыла семья Янкеля Мордуховича Мермулиса. Примерно в те же годы, предположительно в 1935 году, на учёбу в Москву приезжает один из сыновей семьи Лейбман — Шая (Саша) Лейбман, который вскоре после окончания учёбы женился и вызвал своих холостых братьев Сеню и Лёву. В 1937 году из Днепропетровска, где они прожили 2 года после Фрамполя, приезжают родственники Я. М. Мермулиса — семья Шулима Шимановича и Бейлы (дев. Мермулис) с сыновьями, а также семья Гедаля Вайсмана, и поселяются в г. Пушкино, что в 30 км от Москвы. Там же, в Пушкино, поселяются и оба брата Лейбманы — Сеня и Лёва. Так, ещё до начала Великой Отечественной войны, начала формироваться пушкинская община.

Окончательно эта община складывается в конце 40-х — начале 50-х годов, когда в Пушкино потянулись уцелевшие фрампольцы, поскольку здесь ещё с 30-х годов жили семьи их земляков.

В Пушкино жили следующие семьи фрампольцев: Векслер, Розенталь, Вайсман, Моргулис, Мермулис, Патишман, Лейбман, Кецельман, Ходачник, Гурфинкель, Гольденберг, Эсфирь (Фира) Моисеевна Шнер, Шева (Евгения) Нухимовна Николаевская (дев. Бурштейн), Шиманович.

Так сложилось, что пушкинское землячество стало после войны объединяющим центром для всех уцелевших фрампольцев, осевших в разных городах страны. Где бы ни жили фрампольцы, они всегда общались друг с другом, дружили, ездили друг к другу в гости. Многие годы не порывали дружеские связи семьи Саши Лейбмана, Абрама Кецельмана, Бориса Дайчмана, Иосифа Дайчмана. Семья Иосифа Дайчмана всю жизнь дружила с семьёй Доры Гилис.

И не раз в послевоенные годы приезжали пушкинские и московские фрампольцы на родину предков, к местам гибели своих родных, чтобы поклониться их могилам. Сразу же после войны приезжали на родину вернувшиеся с войны фрампольцы и тогда, когда живы ещё были многие свидетели, они узнали страшную правду о мученической гибели своих родных. Уже через два года после окончания войны на станции Ярмолинцы, на месте зверского убийства еврейского населения, в числе которых были родные многих уцелевших фрампольцев, благодаря их стараниям, был установлен памятник, открытие которого состоялось 6 октября 1947 года.

На родину приезжали в разные годы многие фрампольцы. В числе них Саня Фрейдер, возвращавшийся с войны и доехавший только до Ярмолинец, где и узнал о трагической смерти матери, сестры и брата, а также — позже жившие в Пушкино Фира Шнер и Шева Николаевская, семья Саши Лейбмана из Москвы. Так, в 1974 году семья Саши Лейбмана в свой отпуск в полном составе: Саша Лейбман, его жена Лиза Клейн, дочь Доня с мужем Володей Брейманом и их 12-летней дочерью, отправилась на Украину, чтобы побывать на месте массовых расстрелов евреев, которые происходили в конце октября 1942 года на территории воинской части близ железнодорожной станции Ярмолинцы. Посетили братскую могилу, увидели установленный

в 1947 году памятник, сфотографировали его и сделали ещё одно очень важное дело — привезли в Москву полиэтиленовый мешочек земли с братской могилы. Эту землю поместили в запаянный сосуд и вскоре захоронили на Ивантеевском еврейском кладбище неподалёку от г. Пушкино, где проживало много родственников погибших. Согласно официальной версии, массовые расстрелы в Ярмолинцах проводились 30 октября 1942 года, что соответствует 19 хешван 5703 года по еврейскому календарю. Кто-то ошибочно приравнял 19 хешван к 19-му октября, в результате чего эта дата стала традиционной и ежегодно в этот день в Пушкино по еврейской традиции отмечался юрцайт — дата поминовения умерших.

Из Москвы на юрцайт приезжали Лехтер, Гилис, Саша Лейбман, Михаил Лудер (дядя Людмилы Исааковны Кецельман по отцу). Из Ленинграда приезжал Борис Пахтер (у него в Москве жил племянник). Из Оренбурга приезжал Лискер, из Киева Иосиф Дайчман, а из Уфы Борис Дайчман. Из Фрамполя, который после войны стал называться Косогоркой, и где вообще оставалось мало евреев, приезжал Ньюма (Наум) Исаакович Харламп (Харламов).

Пушкинская община получила статус религиозной, когда в 1970-е годы в Московской хоральной синагоге её представителям вручили свиток Торы. Правда, на хранение пушкинцы его оставили там же, в синагоге.

Многие годы объединяющим центром пушкинской общины была семья Вайсман. Однако, со смертью в 1986 году Гедаля Вайсмана и последующим отъездом в 1991 году в Израиль его жены Лизы Вайсман с детьми и внуками, община, по сути, распалась. После 1990 года юрцайт больше не проводились.

Но памятник на кладбище остался, и к нему по-прежнему приходят люди. Он был установлен 19 октября 1975 года, а официальное открытие состоялось 18 декабря 1975 года (по другим сведениям, в январе 1976 г.). Памятник представляет собой вертикальную четырехгранную стелу высотой примерно 150 см в виде параллелепипеда шириной примерно 80 см, с боковыми гранями 35—40 см.

На лицевой стороне воспроизведен памятник на братской могиле в Ярмолинцах, дата массовых расстрелов указана 19 октября 1942 года, стоит название местечка — м. Фрамполь, Ярмолинец-

Открытие памятника на кладбище в г. Пушкино, 1975 г.

кого р-на Каменец-Под. обл., а ниже следующая надпись: «Здесь захоронена горсть земли с братской могилы наших родных и близких, погибших от рук фашистов».

На правой стороне памятника под заголовком «Эти семейства были расстреляны» выбиты следующие фамилии: Альтшулер, Брунштейн, Вайсман, Готлойб, Галендер, Гурфинкель, Дайчман, Кецельман, Лейбман, Лехтер, Ландер, Бурштейн, Брейман, Лискер, Лахман, Гилис, Патишман, Ройтман, Розенталь, Авербух, Векслер, Пахтер, Хадачник, Гольденберг. Всего 24 фамилии.

На левой стороне под заголовком «Они были повешены» указаны имена заложников, повешенных в местечке Фрамполь на балконных балках единственного в местечке двухэтажного дома и на близстоящих деревьях. Вот эти имена: Н. С. Бурштейн, С. М. Векслер, Г. М. Гилис, А. М. Гендельман, Ш. Ш. Эйдельман, М. Г. Ойрик, М. А. Милионщик, Н. Ш. Пукер, А. Ф. Фрейдер, П. Ш. Шильман, М. В. Пахтер, Э. Е. Бедный, Ш. Б. Зильберман Всего 13 имён.

На открытии присутствовали 27 человек, и все они изображены на известной фотографии, снятой в тот день. Удалось определить следующие имена тех, кто был в тогда на открытии памятника:

1. Николаевский Борис Иосифович;
2. Николаевская (дев. Бурштейн) Шева Нухимовна — дочь раввина;
3. Кецельман Абрам Ихилевич;
4. Лейбман Семён Григорьевич;
5. Вайсман Гедаль (Григорий) Пиньевич;
6. Лейбман Шая (Александр) Григорьевич;
7. — ;
8. — ;
9. Миша Фукс — внук С. Г. Лейбмана;
10. Гурфинкель Малка;
11. Клейн Лея (Лиза) Давыдовна — жена Ш. Г. Лейбмана;
12. Вайсман Лея (Лиза) Мордковна — жена Вайсмана Г. П.;
13. Кецельман Люся Исааковна (дев. Мермулис);
14. — ;
15. Ходачник Фаина Исааковна — сестра Кецельман Л. И.;
16. Жердер Фейга Ароновна — жена Лейбмана С. Г.;
17. Патишман Иосиф;
18. — ;
19. Фукс Александр — зять Лейбмана С. Г.;
20. Розенталь;
21. — ;
22. — ;
23. Шнер Эсфирь Моисеевна;
24. — ;
25. Розенталь — брат;
26. Розенталь — брат (один их них — Аркадий);
27. — .

До сих пор фрампольцы приезжают в Пушкино, чтобы навестить могилы своих родных и почтить память людей, чьи имена записаны на памятнике. Так, сын Менделя Мермулиса (1895—1982) Марк Маргулис, ежегодно летом бывает на кладбище. Он

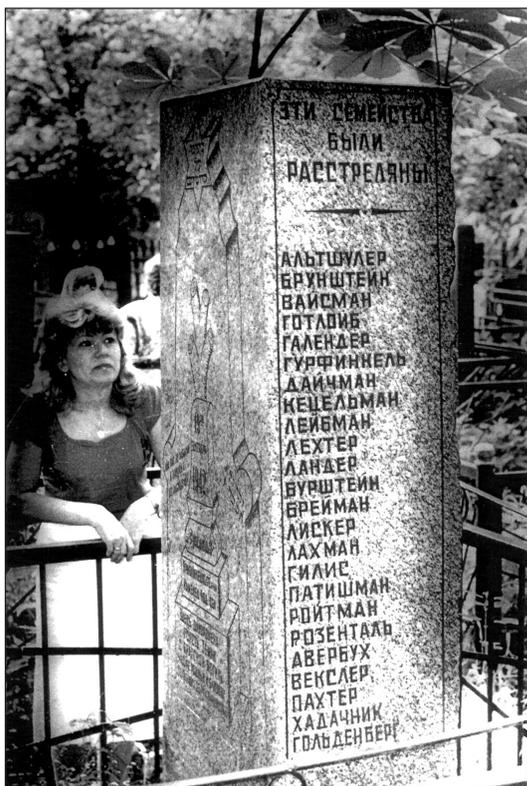
до сих пор вспоминает моральную и материальную взаимоподдержку в трудные минуты жизни, царившую среди земляков, их верность еврейским традициям и памяти об ушедших фрампольцах.

Фронтальная часть памятника в Пушкино

Левая сторона памятника в Пушкино со списком повешенных

Правая сторона памятника в Пушкино со списком расстрелянных, слева у памятника Неля Фукс

Минъян фрампольцев, Пушкино, ок. 1965 г.

*Мендель Маргулис, его жена Рейна Маргулис, Евгения Николаевская
и ее муж Борис Николаевский, ок. 1975 г.*

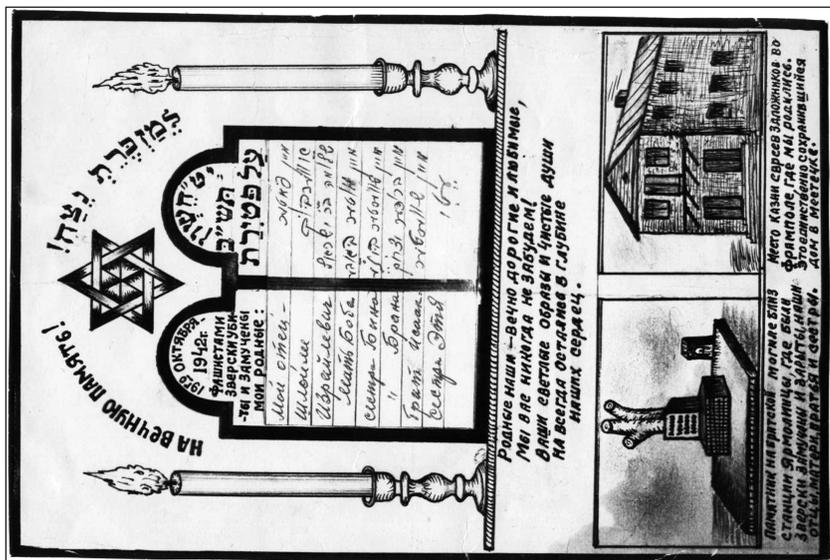

Фото-монтаж с именами погибших
 в семье Авербух

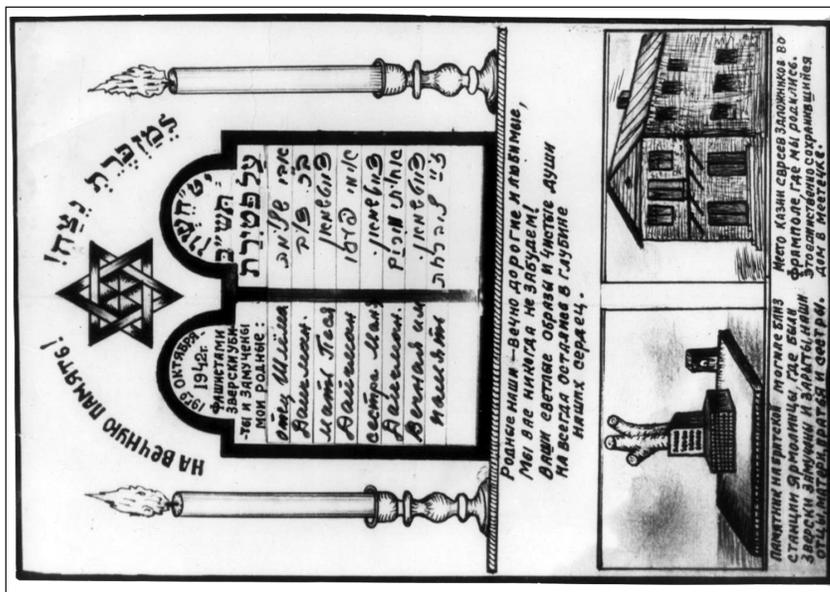

Фото-монтаж с именами погибших
 в семье Дайман

Две фрампольские семьи

Здесь хочется привести короткие рассказы о двух фрампольских семьях, ещё раз вспомнить тех из них, кому не суждено было пережить Катастрофу. Это — семьи Кецельман и Ландер. Немногие, но бесценные сведения о них были предоставлены Игорем Кецельманом.

Семья Кецельман, как и многие другие фрампольские семьи, тоже была большой: супруги Ехил Яковлевич и Адель Веняминовна Кецельман имели четырёх сыновей, которых звали Иосиф, Арон, Венямин и Абрам. Ехил Яковлевич Кецельман по профессии был портным, так же, как и дедушка Р. Геллера Шлёма Беркович Дайчман, возможно, поэтому уже в те далёкие годы и зародилась дружба между семьями Кецельман и Дайчман. Известно, что Е. И. Кецельман в молодости принимал участие в Бунде и даже однажды помогал переправлять через границу кого-то из революционеров.

Когда женился сын Абрам, Кецельманы породнились с ещё одной фрампольской семьёй — Ландер. Глава этой семьи, Исаак Давидович Ландер, работал во Фрамполе бухгалтером в колхозе. С его именем связан один довольно интересный факт из жизни местечка того времени. В 1920-е годы с группой фрампольцев И. Д. Ландер выезжал в Гуляйполе Запорожской области для изучения возможности переселения туда. В этом старинном поселении, известном ещё с 1770 года, тогда отводились земли для желающих. Однако, Гуляйполе им не понравилось и от планов переселения отказались. Так и продолжали жить во Фрамполе эти две породнившиеся семьи — Кецельман и Ландер. Но в 1941 пришло горе — началась война. В октябре 1942 года вместе со всеми погибли Ехил Яковлевич Кецельман, Адель Веняминовна

Кецельман, их сыновья Иосиф Ехилович Кецельман и Венямин Ехилович Кецельман со своими семьями, а сын Арон Ехилович погиб на фронте.

Тогда же погибли Исаак Давидович Ландер, его жена Эсфирь Мордковна Ландер и их дочь, учительница, Муня Исааковна Ландер.

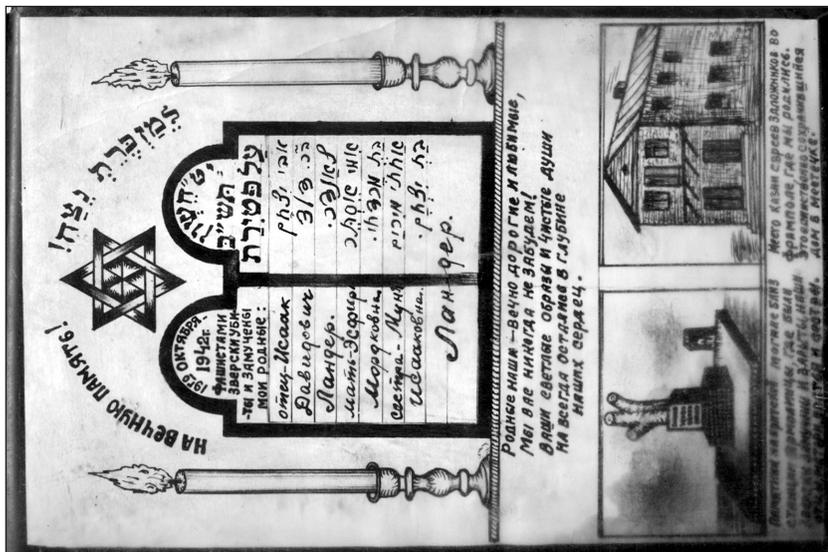
Фрамполь до войны

*(Из воспоминаний Люси Исааковны Кецельман,
девичья фамилия Ландер)*

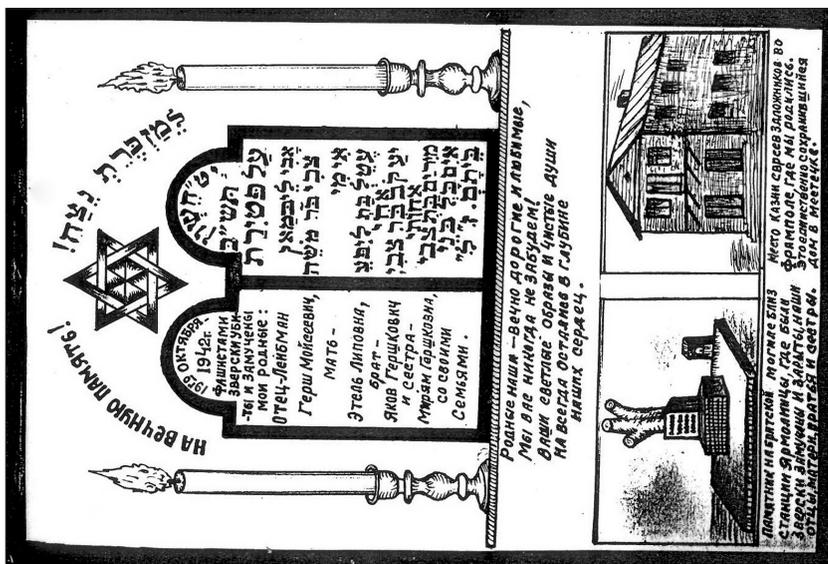
Как развлекались во Фрамполе. Старшее поколение: зимой собирались у кого-нибудь дома вечером. Пели песни, что-нибудь рассказывали, лузгали семечки, кто-нибудь играл на скрипочке. Причем собирались не родственники или соседи, а по дружеским связям. Могли из разных концов местечка.

А молодежь развлекалась вот как. В большинстве молодые уехали в город — учиться, работать. Свой отпуск старались подгадать на июнь-июль. Во Фрамполе была длинная улица через все местечко. По ней гуляли компании молодежи, вширь перегораживая улицу. А дорога пыльная, по колено в пыли. Вечером собирались вкладчину по очереди у каждого. Компании — по дружеским связям. Было весело. Много молодежи.

Зимой устраивались катания на санях. Запрягали лошадь и выезжали. А снег ровный, белый...

Фотомонтаж с именами погибших
 в семье Ландер

Фотомонтаж с именами погибших
 в семье Лейбман

Переписка М. Фрейдера с М. Ядушливым и И. Зейфманом

Продолжая искать следы местечка и его жителей или потомков, в 2006 г. М. Фрейдер нашел в интернете ссылку на статью в бруклинской газете «Еврейский мир» (с подзаголовком «Газета русскоязычной Америки»). В статье Мануса Ядушливого говорилось об открытии памятника погибшим в годы Холокоста евреям местечек бывшей Камене́ц-Подольской области. Нашлись и еще несколько его статей в той же газете, которые самым прямым образом пересекались по темам с нашими поисками.

Михаил познакомился и со второй статьей — об открытии памятного камня, после чего вступил в переписку с автором статьи Манусом Ядушливым и узнал от него адресные данные ранее незнакомого нам уроженца Фрамполя Исаака Зейфмана. Сам Манус был выходцем из Юзалии, местечка все той же Камене́ц-Подольской области. Манус, будучи журналистом, и в солидном возрасте продолжал понемногу публиковаться. Так, заметки о контактах с Михаилом он публиковал в журнале «Я».

Ниже мы приводим тексты публикаций М. Ядушливого в порядке их появления, а также с небольшими комментариями — тексты переписки Михаила с этим человеком, проживавшим в те годы в Бруклине, и с И. Зейфманом, проживавшим тогда в Манхэттене.

Манус Ядушливый,
«Еврейский мир»,
18 Ноября 2003

*Пепел местечек, поросших полынью,
В сердце безмолвно стучит и поныне.*

Хаим Бейдер

Много замечательных людей родились, жили в городах и местечках Подолья и Волыни, которые вошли в Хмельницкую область. О них, а также об истории евреев этого края, о героизме наших земляков на фронтах Второй мировой войны, о страшных днях и ночах Холокоста, о нынешней судьбе евреев, покинувших родные места, и тех, что продолжают там жить, рассказывается в каждом номере сборника «Штетл». Выпускает его Хмельницкий областной благотворительный фонд «Хесед-Бешт». Директор фонда Игорь Ратушный пишет: «Каждый выпуск сборника — это знакомство с новыми именами и долгожданная встреча с давними друзьями, это не только ностальгическое путешествие по улицам нашей памяти и истории, но и радостный праздник на площади сегодняшнего дня. Многоцветье слов отражает нашу жизнь, возрождение и становление, торжество разума, добра и милосердия».

Еврейская история... Сколько в ней было и остается белых пятен. Фашисты и коммунисты хотели лишить наш народ не только будущего, но и прошлого. Вспоминаю академическое издание в 70-х годах прошлого столетия «Истории городов и сел Хмельницкой области». Там о евреях почти ничего не сказано. Такие «истории» были изданы и в других областях Украины.

Как будто евреев вообще не было в Украине. А доктор исторических наук Ион Винокур в помещенной в «Штетле» статье «Евреи Правобережной Украины в давние времена и в средневековье» указывает, что еврейское население на землях Украины зафиксировано еще с IV столетия до нашей эры.

Основателем Каменец-Подольского краеведческого музея был один из первых краеведов и историков Подолья, врач Иосип Ролле (1830—1894 гг.). Редколлегия «Штетла» решила ознакомить своих читателей с рассказом Ролле «Воспоминания шляхетных делегатов, отправленных на сейм 1789 г.», напечатанным в 1892 г. в Кракове. Много строк в нем посвящено жизни и дея-

тельности евреев Каменец-Подольского в XVII — начале XVIII столетий.

Большое внимание в сборнике уделяется истории еврейского театра в Проскурове. Заместитель директора Хмельницкого областного краеведческого музея Ирина Боголюбова рассказывает, что в 1907 году меценат Б. Шильман построил здание для еврейского театра на улице Александровской. 25 апреля 1908 года в театре состоялся спектакль в пользу Проскуровской еврейской библиотеки. А в 30-х годах еврейский театр был закрыт. Однако, в городе до сих пор действует еврейский театр имени Петровского. Среди артистов в послевоенные годы было много евреев. Старожилы помнят замечательного артиста и режиссера Абрама Каца. Интересными воспоминаниями об отце делится дочь Каца, завуч нынешней еврейской школы Татьяна Козубняк.

Не обходит «Штетл» волнующие всех нас вопросы о героизме евреев области на фронтах Второй мировой войны, гибели еврейских местечек в годы Холокоста (Ефим Кисилевский «Бабий Яр Ярмолинец», Зинаида Цитрина из Изяслава «Лоскутное одеяло», Михаил Фрейдер из Челябинска «Дорога к папиному дому» и др.).

Много теплых слов посвящено в сборнике землякам — знаменитым хасидским проповедникам, а также еврейским поэтам Перецу Маркишу и Хаиму Бейдеру, художнику Исааку Вайншельбойму и др.

Подолянам хорошо известно имя Евгении Гинзбург. Замечательный педагог, преподаватель Каменец-Подольского пединститута, после ухода на пенсию, переехав в г. Хмельницкий, она принимала активное участие в деятельности еврейской общины. Ее памяти посвящены письма читателей, стихи.

Председатель совета еврейской общины Михаил Лерман пишет: «Жизнь таких людей не заканчивается датой кончины. Они продолжают присутствовать в каждом томе подаренной нам библиотеки, неизменно направляя всех знавших их к порядочности и знаниям».

А одна из подруг Евгении Гинзбург, украинская поэтесса Надежда Пукас, посвятила ее памяти стихотворение, в котором такие строки: «Вы — в синагоге, я в церкви молюсь. А Б-г над нами один. К рукам Вашим нежным головой прикоснусь, и печаль исчезает, словно дым».

Сборник также рассказывает о благотворительной деятельности сотрудников фонда «Хесед-Бешт», о возрождении еврейской жизни на Подолье. Доброе, благородное дело делают в Хмельницком благотворительном фонде «Хесед-Бешт», выпуская сборник «Штетл». Он открывает перед читателями наше прошлое, помогает понять настоящее, выбрать правильные пути.

Книги наших эмигрантов

Манус Ядушливый,
«Еврейский мир»,
26 Февраля 2006

За 60 лет изданы тысячи и тысячи книг о Великой Отечественной войне: мемуары маршалов и генералов, воспоминания офицеров и рядовых... Каждая из них открывает новую страницу истории. Но особенно взволновала меня книга Исаака Зейфмана «Жизненный путь парня из Подолии». Может, потому что автор — мой земляк, родившийся в местечке Фрамполь, которое находится в 50—60 километрах от моей родной Базалии.

Эта книга перенесла меня в юность с ее радостями и горестями, тревогами и надеждами. Вместо светлого будущего мы получили сталинский террор и гитлеровский геноцид. Холокост унес 54 близких родственника Зейфмана. Но самые яркие страницы этой книги — о войне. Боевая биография Исаака Зейфмана типична для большинства фронтовиков. Но только частично. Она началась за год до 22 июня 1941 года.

...Было это во Львове. Летом 1940-го Зейфман вместе с двумя бойцами первого эскадрона заметил, как трое в штатском что-то кладут под памятники на близлежащем кладбище. Исаак доложил об этом командиру конного взвода Николаю Кононенко — подозрительных захватили врасплох. После выяснилось, что это немецкие шпионы, оставлявшие инструкции своим агентам. Бдительным кавалеристам объявили благодарность. Наблюдательность очень пригодилась Зейфману, когда он стал командовать партизанским отрядом.

Но вернемся назад, в первое огненное утро войны. Кавалерийский корпус дислоцировался на границе с Румынией, в районе

Белгород-Днестровского. Здесь Зейфман, ставший к тому времени заместителем командира батареи, принял свой первый бой. «Мы открыли ружейно-пулеметный огонь, — пишет он. Наша батарея била по плотам. Много румынских солдат утонуло, а 30 человек во главе с офицером были взяты в плен». Затем началось отступление — бои за Николаев, Днепропетровск, Полтаву. У города Ромны Сумской области немцы бросили в бой танковые и механизированные войска. Корпус понес большие потери: «Я получил 5 пулевых ранений в левую ногу и два перелома большой и малой берцовых костей. Со мной был сержант Николай Рысаков и наводчик Никита Юрченко, тоже тяжелораненые». Пока были силы, ползли. Трудно сказать, чем бы все кончилось, если бы их не увидели сельские пастушки. Позвали взрослых. Те перенесли их в село, а затем переправили в больницу. Исаак назвался именем погибшего сослуживца Ивана Гринюка и организовал партизанский отряд. Много славных дел на его счету. Вот хотя бы это...

«В конце декабря 1942 года мы получили от наших разведчиков сведения, что в селе Синевка (бывший райцентр) фашисты в средней школе устроили дом отдыха (свыше сотни мест для летчиков). Решили разгромить это гнездо. Отряд разделили на четыре группы. Первая наступала с востока к центру села (командовал ею я). С запада шла группа Б. Жигловского. С юга — Федора Егорова, начальника нашей разведки, а с севера — группа сержанта Ф. Худакова. Последняя должна была уничтожить танкетку с танкистами, после чего присоединиться к нам. Худаков на лошади подобрался близко к танкетке. Укрылся за старым дубом и начал забрасывать гранаты в люк... Я дал сигнал ракетой, и все группы короткими перебежками начали приближаться к зданию. Фашисты в одном белье выскакивали из окон, и многие погибли...» Всего было убито более 30 фашистских летчиков и 20 ранено».

Таких эпизодов было немало. На счету отряда — взорванные мосты, уничтоженные каратели и полицаи, постоянные диверсии на железной дороге, сбор разведанных, в которых нуждались наступавшие советские войска, захват плацдармов на западном берегу Днепра. Еще до подхода армии народные мстители освободили город Лебедин в Сумской области — за это Зейфман был награжден орденом Красной звезды. Партизаны координировали

свои действия с военным командованием во время Курской битвы и освобождения Харькова. Потом были бои в Белоруссии. Уже в составе армии Зейфман форсировал Нейсе и встретился с американскими войсками.

Среди наград Исаака Зейфмана — орден Александра Невского, два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «Партизану Великой Отечественной войны» и другие. Причем, орденом Александра Невского награждались самые мужественные и умелые генералы и офицеры.

Тепло пишет автор о людях, которые вместе с ним приближали победу. О гвардии полковнике Л. Перельмане, своем помощнике по разведке Федоре Егорове (Михаиле Каце), командире объединенного партизанского отряда Александре Фащенко, учительнице Матрене Крамаренко. О юном разведчике Диме Кацмане, которого фашисты привязали к стволу танка, вырезав на груди звезду Давида. Партизаны спасли его, он стал сыном партизанского отряда, а затем и сыном полка. Не забыл Исаак и украинцев, которые спасли его и не выдали фашистам.

С интересом читаются и эпизоды послевоенных лет, отъезд в Америку, активная работа в Американской ассоциации ветеранов войны и ее манхэттенском филиале, которым руководит Исаак Зейфман, поездка в Израиль. Читаешь книгу и словно слышишь тихий, душевный рассказ этого необычного человека, который в свои 85 лет полон энергии. «Подвиги Исаака Зейфмана — яркая страница в биографии человека, чья жизнь — хороший пример для подрастающего поколения», — пишет профессор Давид Мельцер. «Спасибо тебе, дорогой Исаак, за честную и поучительную книгу!» — по-военному краток Борис Рабинер, инвалид Второй мировой войны, политический комментатор радио и телевидения.

Открытие памятника — 27 августа

Манус Ядушливый,
«Еврейский мир»,
2 Августа 2006

Читатели газеты, безусловно, помнят, как прошлой осенью инициативная группа, которую я возглавил, обратилась к быв-

шим жителям города Проскурова (ныне Хмельницкий, Украина) и местечек бывшей Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой области) с предложением собрать необходимую сумму денег для сооружения Камня-памятника евреям, погибшим от рук фашистских убийц в годы Холокоста. Этот призыв нашел всеобщую поддержку среди наших земляков.

В течение трех недель деньги были собраны, хотя цена за памятник по сравнению с прошлым годом выросла в два раза. Кроме города Проскурова, на Камне-памятнике будут выгравированы названия 25 местечек. Причем, как и просила инициативная группа, названия тех местечек, бывшие жители которых собрали средства, указывались при отправке нам чеков и денежных ордеров.

Мы рассчитывали, что нам удастся открыть Камень-памятник в апреле, в очередную годовщину восстания Варшавского гетто, или накануне Дня Победы или к 65-летию начала Великой Отечественной войны. Но этого не получилось. Как нам сообщили в правлении мемориального парка Холокоста в Бруклине, больше всего времени ушло на уточнение довоенных названий местечек. Как известно, ныне в большинстве из них вообще не осталось евреев, бывшие местечки превратились в обыкновенные украинские села. Поэтому многие из них ныне носят совершенно другие названия. Так, местечко Фрамполь называется Косогорка, Фельштын — Гвардейское и др. В трех книгах, изданных в послевоенное время, которые есть в моей домашней библиотеке, перечислены все местечки нынешней Хмельницкой области и как они назывались до войны. Кроме того, я сам родом из местечка этой области, 47 лет проработал в газетах Подолья. Родом из местечек Подолья и большинство членов нашей инициативной группы. Но мы, конечно, не отказывались от дополнительной проверки.

При выборе дня торжественного открытия Камня-памятника мы исходили из того, что многие люди, приславшие нам деньги, уехали на отдых. И второе. Среди наших земляков, которые примут участие в торжественном открытии Камня-памятника, много пожилых, они тяжело переносят зной. Поэтому мы единодушно решили перенести это событие на конец лета. Сообщаем всем, кто пожелает прибыть в мемориальный парк Холокоста в Бруклине, что торжественное открытие Камня-памятника евреям города Проскурова и местечек Дунаевец, Деражни, Зинькова, Ярмолинец, Базалии, Теофиополя, Сатанова, Антонин, Черного Острова,

Пилявы, Фельштына, Купеля, Меджибожа, Купына, Летичева, Михалполя, Николаева, Фрамполя, Городка, Миньковец, Виньковец, Волочиска, Чемировец, Ямполь и Кульчина состоится в воскресенье, 27 августа 2006 г. в 11 часов утра.

По-деловому поработали члены инициативной группы — супруги Фаина и Лев Зильберман, Леонид Тенплер, Ева Лоздерник-Бейдер, Анна Браверман и Анна Ядушливая. Инициативная группа благодарит руководителей Объединенной Ассоциации восточноевропейских евреев Мориса Шустера и Дмитрия Маргулиса за оказанную помощь и содействие. Мы благодарны за систематическое освещение хода сбора средств и подготовки к открытию Камня-памятника русскоязычным газетам и журналам.

Инициативная группа получила ряд писем от земляков, а также многие обращались к нам с предложениями по телефону, интересовались, как идет подготовка к открытию Камня-памятника. За это мы выражаем благодарность супругам Шмидтам из Детройта, Иосифу Лахману из Бостона, 90-летнему Лазарю Шарфштейну из Квинса, Исааку Зейфману из Манхэттена, Якову Штейнбергу, Давиду Баренбойму и др.

27 августа будут зажжены поминальные свечи. Каждый из нас вспомнит родных и близких, которые навечно остались в наших сердцах. До встречи, дорогие земляки!

Звуки шофара в Мемориальном парке

Манус Ядушливый,
«Еврейский мир»,
6 сентября 2006

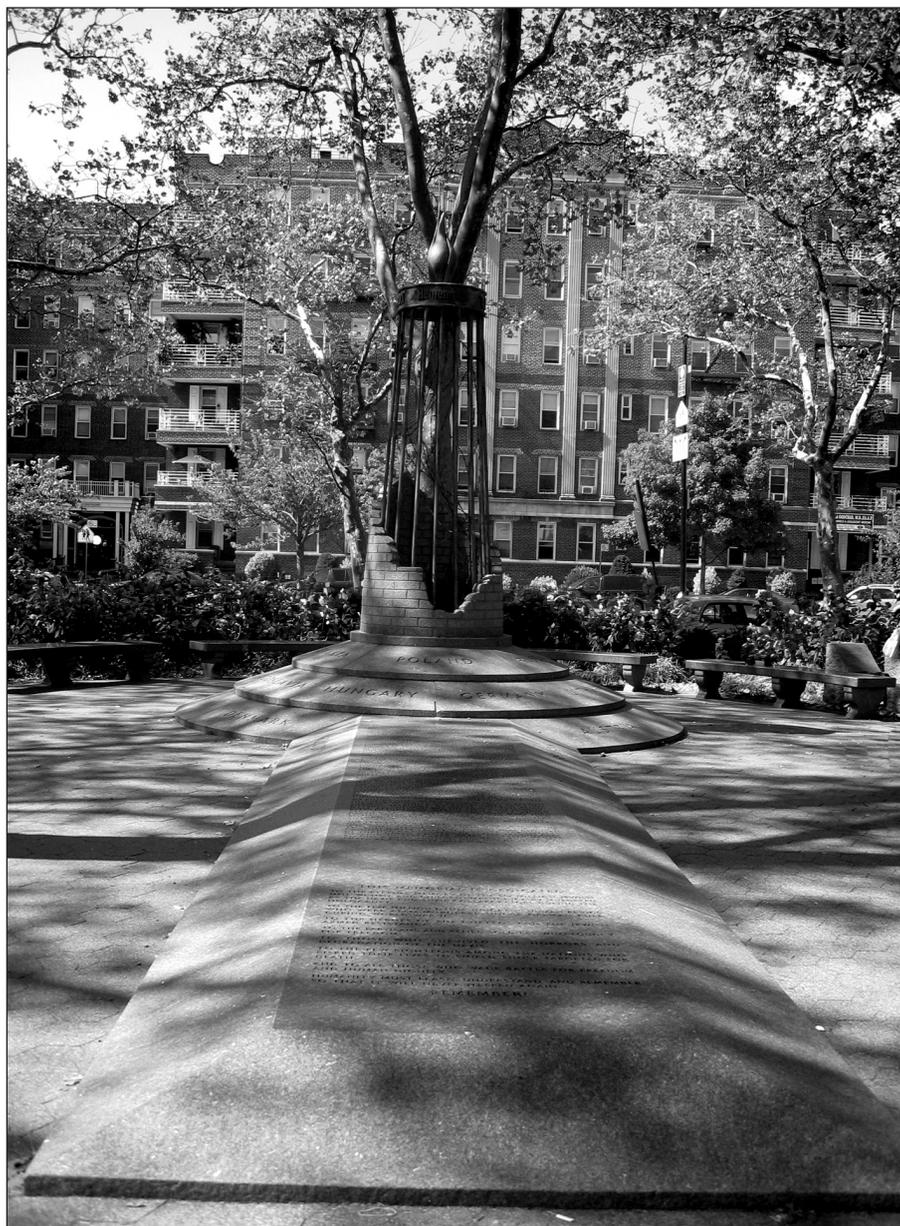
Несмотря на дождь, в Мемориальном парке Холокоста в Бруклине собрались более 150 человек для открытия Камня-памятника евреям Проскурова и 25 местечек этого региона, погибшим от рук фашистов в годы Второй мировой войны. Выступая на митинге, рабби Моше Хаим Левин напомнил: «Символично, что вы открываете памятник в месяце Элул, накануне еврейского Нового года. Ведь 65—66 лет назад фашисты кощунственно использовали священные для евреев праздничные дни для расправы с еврейским населением. Но еврейский народ жив. В эти предпраздничные дни в синагогах и других дорогих наше-

му сердцу местах звучит шофар, символизирующий бессмертие еврейского духа».

И вот зазвучал шофар. Каждый, присутствовавший на митинге, еще глубже почувствовал, что является частицей нашего Б-гом избранного народа, что никогда не удастся врагам уничтожить его...

Инициативная группа, которую я возглавлял, сделала все, чтобы большое количество местечек было увековечено на памятнике. Каждому человеку, который внес свои средства в это дело, было направлено приглашительное письмо. Волнующими были выступления члена инициативной группы Льва Зильбермана, доктора экономических наук, президента Американской антифашистской ассоциации Иосифа Лахмана, приехавшего из Бостона, председателя совета директоров Ассоциации восточноевропейских евреев Дмитрия Маргулиса, члена инициативной группы Евы Лоздерник-Бейдер, президента Ассоциации ветеранов войны Леонида Розенберга, известного журналиста, кандидата в Ассамблею штата Ари Кагана. От имени поколений, рожденных после войны, выступили Элла Милерман и моя 11-летняя внучка Ребекка, которая родилась в Америке. Выступающие говорили о том, что имена погибших — наших родных и близких — навеки останутся в памяти и сердце еврейского народа. Члены инициативной группы Фаина Зильберман, Леонид Тельпнер, Инна Лагбург называли города и местечки, где погибло все или почти все еврейское население. Мне поручили открытие памятника. Звучат гимны США и Израиля. Зажигаются поминальные свечи. Присутствующие читают Поминальную молитву. Семен Гринберг поет песни, которые звучали в гетто.

Участники митинга говорили о своей солидарности с народом Израиля. Они собрали около тысячи долларов, которые будут посланы пострадавшим от бандитских обстрелов Израиля.

Парк Холокоста в Бруклине, 2007 г. Центральный памятник

Общий вид памятных камней в парке

*Памятный камень в парке Холокоста
с названием местечка Фрамполь, 2007 г.*

О родословной и семейных традициях

Манус Ядушливый,

Бруклин, Нью-Йорк,

Статья в журнале «Я», № 2, 14–27 января 2008 г.

Мне позвонила женщина из Нью-Джерси. Назвалась Евгенией Фрейдер. «Мой отец, — сказала она, живет в Челябинске. Его очень заинтересовала ваша статья об открытии в Бруклине памятника погибшим евреям Проскурова и 25-ти местечек Подолья. Среди них — и местечко Фрамполь, из которого родом был его отец. Мой отец написал книгу о том, как он составил родословную своей семьи. Он побывал и во Фрамполе, но не нашел там ни одного еврея... А кто вам рассказал о Фрамполе? Значит, есть кто-то из этого местечка живой?»

Я ответил ей, что знаю одного человека из этого местечка. Это Исаак Зейфман. В войну был командиром партизанского отряда, сейчас живет в Манхэттене. О нем писал журнал «Я».

В ответ Евгения рассказала о своем отце. Оказывается, он уже несколько лет собирает данные для родословной. А во Фрамполе родился и жил его отец. О собранных данных отец Евгения выпустил книгу. Это меня заинтересовало, и в скором времени книга лежала на моем столе. Ее прислал мне с далекого Урала, из города Челябинска, сам автор. На красиво оформленной обложке читаю: «Михаил Фрейдер. Мудрость печали». И подзаголовок: «Опыт возрождения семейной книги». Выпущена в Челябинске в 2006 году.

Михаил Фрейдер родился, рос и учился в этом уральском городе, его родной язык — русский, и воспитывался он на русской культуре и русских традициях. Но родители рассказывали ему о своих корнях. Теперь их нет в живых, а Михаил поставил перед собой задачу — узнать что-нибудь о своих далеких предках: кто они, какой след оставили в жизни. В предисловии к книге он пишет: «Все, что мне удалось узнать из устных рассказов и найденных документов, а также прочитано в различного рода источниках, собрано в этой книге... Дорогая внучка или, быть может, внук, твой внук, внук этого внука, если тебя волнует семейная традиция, если ты уже задумалась (задумался) о своем месте в этом мире, эта книга — для тебя... А быть может, ты уже

ищешь, куда записать интересные рассказы твоих предков? Приступай...»

Книга оригинальна по своему построению. Автор решил проследить и проанализировать жизнь своих предков на протяжении двух последних столетий. Каждой семье, которая, по мнению Фрейдера, входит в его родословную, он посвящает отдельную главу. В начале он помещает географическую карту той местности, где жили его предки, потом перечисляет всех членов семьи под рубрикой «Генеалогические сведения о людях родословной». За этим следует краткая информация и история поиска...

Как уже говорилось, отец автора книги был родом из маленького подольского местечка Фрамполь. Фрамполь имеет свою историю. По ревизии 1847 года там жило 570 евреев, а по переписи 1897 года — 1216. Сейчас нет на карте местечка Фрамполь, а есть украинское село Косогорка Ярмолинецкого района Хмельницкой области...

Среди этих людей этого местечка рос отец Михаила Фрейдера Саня Моисеевич Фрейдер. Пройдя сотни километров фронтовых дорог, трижды раненный, он после Победы вернулся в родное местечко. Но не было уже этого местечка. Фашисты и их местные прихвостни уничтожили всех евреев. Саня уехал в Челябинск, где жил его двоюродный брат. Там он женился, работал. Там и родился его сын Михаил — автор книги. В 2001 году Михаил Саневич Фрейдер вместе с женой впервые поехал на Подолье, на родину отца, надеясь узнать что-нибудь о его родственниках и увидеть местечко Фрамполь...

С волнением Михаил Фрейдер и его жена приближались к местечку Фрамполь, вернее, к селу Косогорка. Здесь погибли мать, старшая сестра и младший брат Сани Фрейдера. Ни одного еврея не осталось в бывшем местечке. Завернули на еврейское кладбище. Часть могильных плит повалена, часть утоплена в земле... Здесь Михаил узнал, что большинство евреев были доставлены шуцманами в гетто, которое немцы создали в военном городке около местечка Ярмолинцы. Туда же согнали евреев из самих Ярмолинец, а также из маленьких местечек Шаровка, Солобковцы и Гуда. Туда, в бывший военный городок, поехал Михаил Фрейдер с женой и сопровождавшими их людьми из Хмельницкого еврейского благотворительного фонда «Хесед-Бешт»...

Теперь я хочу сделать отступление от текста книги. В Хмельницком я был избран членом Совета областной еврейской общины «Тхия». В День Победы 9 мая 1992 года, за два месяца до моего отъезда в Америку, членов нашего Совета пригласили в Ярмолинцы на открытие мемориала на территории военного городка. Дали нам автобус. Оказывается, мемориал состоит из нескольких памятников: погибшим воинам-землякам, землякам, погибшим во время войны от бомбардировок и боев (гражданскому населению и военнопленным), что здесь были, и евреям — узникам гетто. Из Хмельницкого приехал православный священник. Все собрались около первых двух памятников. А мы, небольшая группа евреев, — у памятника узникам гетто. Все наши мужчины надели талесы. Среди нас были пожилые люди, которые прочитали соответствующие молитвы. Мы положили на памятник камешки.

Вдруг к нам подошел пожилой местный украинец и сказал: «Через вот это верхнее окно евреи выбросили убитого шутцмана. Я сам видел». Больше он ничего не хотел рассказывать. Никто из местных не смог ответить на наши вопросы о произошедшем здесь в октябре 1942 г. Среди этих героических узников гетто были, несомненно, и евреи из Фрамполя...

...И вот прочитана последняя страница этой необычной книги. Хотя автор не писатель, а инженер, она оставляет глубокий след в моем сердце. Как будто на Крыльях Времени я пролетел те два столетия, которые описывает Михаил Фрейдер, познакомился с людьми, составляющими родовое дерево этой семьи.

После публикации статьи М. Ядушливого о своей книге М. Фрейдер написал ему письмо, которое приводится ниже.

24.03.2008

Уважаемый Манус!

К сожалению, преодолению расстояния между нами помешала нечеткая работа почтовых служб, поэтому Вы не смогли своевременно получить мой отзыв на столь важную рецензию о моей книге, которую Вы сочли возможным опубликовать в журнале «Я».

Мысли мои в эти три месяца, прошедших с момента публикации, неоднократно возвращались к Вашему тексту, и я должен сказать, что Вам удалось почувствовать мое волнение и интерес к судьбам своих предков, как в узком смысле (предки в се-

мье), так и в широком (предки, как национальная масса евреев), у которых были те же ценности, что и у нас с Вами: дети, знания, традиция.

Большое спасибо Вам и редакционной коллегии, которые смогли подготовить и опубликовать эту статью о книге, обо мне и не только обо мне.

Конечно, в рецензии чувствуется и Ваш профессионализм, и знание исторических данных, так что она, история, связывает Ваши мысли воедино. Наши родители все это знали, но они избегали об этом рассказывать, так как это было запрещено, поэтому и не была своевременно напечатана «Черная книга». Это те события, о которых старались не вспоминать в годы Советской власти, а сейчас, в наше время, некоторые жители планеты их отрицают.

Ну что ж, я видел на рисунке и обугленный купол знаменитой синагоги Белостока, где на холодном полу ютилась во время бегства из Польши моя мама, потерявшая за несколько дней до этого свою маму. Я стоял у газона в Ярмолинцах, где похоронено 18 тыс. невинных жителей — евреев окрестных местечек, был там, где похоронена моя вторая бабушка. Нет, даже не похоронена, а засыпана землей. А после открытия архивов получил схему вскрытия захоронений. Так что я тоже свидетель, как и казарма на станции Ярмолинцы, которая 65 лет после этих событий стоит на своем месте и напоминает о происшедшем тем, кто не хочет помнить факты истории.

Сейчас мы с моим другом Р. Геллером завершаем составление списков фрампольцев, оставшихся навечно недалеко от своего местечка. Нашлось немало источников, живы немногочисленные потомки, которые много лет тому назад ставили памятник на еврейском кладбище г. Пушкино, Московской области, перевезя туда горсть земли, политой кровью своих близких. Прислал письмо Исаак Зейфман. Ваша рецензия — это тоже маленький памятник всем невинно погибшим, как и камень, поставленный в Бруклине.

О большинстве жителей нет свидетельских листов в Яд-Вашем, я вижу, что были убиты целые огромные семейства, поэтому некому и их заполнить. По завершению работы, мы постараемся сохранить о них память.

Ну что ж, не очень много свидетелей тяжелых и печальных событий истории еврейского народа осталось в живых, но, как

это было все прошедшие тысячелетия, память жива, это наша традиция. Стремление хранить память и рассказывать наследникам живо и в Вашем сердце, Манус, я рад почувствовать его взволнованное биение.

Пусть не ослабевает Ваше здоровье, здоровье всех Ваших друзей-энтузиастов, а Ваше сердце наполняется не только грустью, но и радостью. Спасибо.

Отозвался на поиски М. Фрейдера и И. Зейфман. Михаил обменялся с ним также несколькими письмами.

Уважаемый Исаак!

Не знаю вашего отчества, поэтому обращаюсь к Вам по имени.

Мой отец, Фрейдер Саня Моисеевич, уехал из Фрамполя в 1937 г. работать в Ленинград, далее — армия, война, гибель родных в Ярмолинцах... Больше он туда не вернулся.

Так случилось, что я заинтересовался историей семьи и историей Фрамполя, где и побывал (в Косогорке) в 2001 г. Возникла потребность оставить сведения в виде книги, которую я и выпустил в 2006 г.

У меня есть несколько просьб. Суть моих вопросов:

Когда Вы уехали из Фрамполя и остался ли кто-то там в 1941 г. (из Ваших родственников)? Не припомните ли Вы директора русской школы Исаака Харламба, известного и довольно значительного человека, который там жил до войны, остался жив, а его сын составлял список потерь домовладельцев в 1944 г., который у меня есть, но там нет фамилии моих родственников (там оставались бабушка, брат и сестра папы), следы которых я ищу? На могиле Харламба я побывал.

Нет ли у Вас списка (короткого перечня) жителей Фрамполя или Вам известно, у кого есть такой список или какие-либо документы?

Если Ваша книга содержит сведения о Фрамполе или фамилии сельчан, то не трудно Вам было бы снять копии листов и послать мне (я так понял, что свободного экземпляра не осталось)?

Желаю Вам здоровья и благополучия Вашей семье.

Михаил Фрейдер

ИСААК ЗЕЙФМАН

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ПАРНЯ ИЗ ПОДОЛИИ

..О себе автор говорит чрезвычайно скупно, только на фоне героических дел товарищей – партизан и солдат Советской Армии, но когда читаешь об очередном эпизоде военной жизни, сразу понимаешь, насколько мужественно вел себя во время боя партизанский и фронтовой командир и офицер, как ценил свое еврейское достоинство и старался быть образцом для подчиненных во всем – прежде всего в бою.

Очень интересны те страницы книги, где речь идет о военно-патриотической поисковой работе, связанной с подвигом Александра Матросова.

Ныне в России, да и у нас в эмиграция стало модно ослеплять подвиги героев Великой Отечественной. ...

Так кто же тогда победил сильнеешего врага, кто защищал города-герои, выиграл главные сражения?!

Спасибо тебе, дорогой Исаак, за честную, поучительную книгу!

Политический обозреватель Борис РАБИНЕР

Плечом к плечу с украинцами, белорусами, русскими и представителями других народов сражались против нацистских оккупантов партизаны-евреи. У них был особый счет к врагу. Более 150 евреев были командирами партизанских бригад и отрядов, начальниками штабов, комиссарами. Среди них – автор книги, командир партизанского отряда имени Ворошилова Исаак Зейфман, кавалер двух орденов Отечественной Войны, орденов Александра Невского и Красной Звезды, медалей «За отвагу», «За боевые заслуги», «Партизану Великой Отечественной войны» первой степени и других наград.

Ратные подвиги Исаака Зейфмана – яркая страница в биографии человека, чья жизнь хороший пример для подрастающего поколения.

Профессор Давид МЕЛЬЦЕР

Обложка книги Исаака Зейфмана и страница с его фотографиями

Михаил Данилович Лакхтерман на старом ярмолинецком еврейском кладбище у могил Фридландера и Каплана, 2001 г.

Здравствуйте, уважаемый Михаил Фрейдер!

Прошу извинения за запоздалый ответ на Ваше письмо. Во-первых, лежал в госпитале, дают о себе знать фронтовые раны. В 1941 году при обороне Кишинева (25 июля) был ранен в левую руку. В 1942 году в начале октября в боях под г. Ромны, Сумская обл. Украины, был тяжело ранен в левую ногу (5 пулевых ранений); пули прошли, а одна осталась — уперлась в большую берцовую кость. Кроме того, я руковожу Манхеттенским филалом ветеранов Американской Ассоциации Ветеранов 2-й Мировой войны — выходцев из бывшего СССР. Работы очень много. Я пишу Вам эти строки и прошу извинения, что задержал с ответом.

Вы совершили действительно подвиг, пройдя путь к отцовскому дому — местечку Фрамполь. Мне из Ярмолинцев господин Михаил Данилович Лахтерман прислал копии Ваших путевых записок (отдельные фрагменты). Очень ценные наблюдения.

Я побывал в родном Фрамполе в 1944 г. Я тогда в составе 1 гв. Красного кавал. корпуса участвовал в боях в Карпатах. По моей просьбе мне дали три дня посетить мое родное штетеле Фрамполь. Я посетил бывшую казарму — двухэтажное здание без окон, где морили несчастных людей перед смертью.

Я владею языками идиш и украинским, мне удалось много узнать о страшных мучениях согнанных сюда наших родных из местечек Фрамполя, Шаровки, Ярмолинцы, Солобковцы и Гуды. Перед расстрелом, бывшая ученица 7 кл. еврейской школы Маня Лейдерман через оконный проем кричала: «Бандиты — фашисты, шуцманы (полицаи), придет Красная Армия и вы получите за эти злодеяния». И шуцман выстрелил в нее, и она погибла.

Я эмигрировал в США 14 января 1994 г.

Коротко отвечаю на Ваши вопросы.

1. 28 июля 1940 г. был призван в ряды Красной Армии. С первых дней войны, т. е. с 22 июня 1941 г. участвовал в боях на границе с Румынией. Так что уехал из Фрамполя 28 июля 1940 г. Мои родители: папа Арон и мама Эстер и три брата: Моисей, Меер и Ушар — погибли, погибли также мои близкие и дальние родственники — 54 человека.

Во время оккупации фашистами Фрамполя действовала подпольная группа — Пукер Аня (Хомца) достала радиоприемник, и группа слушала последние известия с Большой земли (из Мо-

сквы). Слушатели распространяли эти новости среди населения. Сейчас во Фрамполе осталось двухэтажное здание. На металлических выступах 2-го этажа фашисты повесили за связь с подпольем: моего отца Арона Зейфмана, Симху Шустера, Данила Лихтермана, отца нынешнего главы Ярмолинской еврейской общины, и др.

2. Харлам (Харламб — *Прим. авт.*) Исаак Иосифович — был директором еврейской семилетней школы, преподавал математику. Его семья: жена Софья Цалевна уцелела, а его дети Маня и Ньюма (Наум) — погибли (Ньюма уцелел — *Прим. авт.*). Школа была расположена в центре местечка. Русский язык преподавал у нас замечательный лингвист Николай Антонович (Леонтьевич — *Прим. авт.*) Захаревич. Он неплохо изъяснялся на идиш.

3. Документов, тем более списков жителей местечка, у меня нет. Помню фамилии моих друзей: Абрам Розенталь, Давид Нек, Кац Исаак, Демб Исаак, Лева Векслер и др.

Я хотел бы, чтобы Вы знали, в центре местечка было большое длинное здание (100 м с севера на юг и 50 м с запада на восток). В южной части находилась еврейская школа. В северной части находились почта и парикмахерская. На западе местечка стоял красивый домик с пристройкой, стены и крыша там были стеклянные. Там была фотостудия. Фотографа звали Арнольдом, его супругу — Элеонорой. Она была ретушером. Фотографии Арнольда украшали дома многих жителей местечка и окрестных сел.

При въезде во Фрамполь со стороны севера трудились кузнецы, при этом с восточной стороны находилась кузница Ицхака, а с западной стороны — кузница Шломо. Внизу склона находилась еврейская баня, в ней находился колодец — «Миква». По еврейскому закону отец, накануне субботы и в еврейские праздники, опускал нас в эту «микву». Возможно такое закалывание полагалось по еврейскому закону.

По традиции, еврейских мальчиков приучали к потомственным профессиям: кузнецов, портных, сапожников, мыловаров, столяров, плотников и других. А многие ребята кончали в Ярмолинцах среднюю школу и продолжали учебу в некоторых высших учебных заведениях: в Киеве, Виннице, Москве и Ленинграде.

Я благодарен Вам за сообщение в Интернете о Фрамполе. Конечно Вы никогда не жили в штетеле Фрамполь и, конечно, Вас интересуют данные о Вашей родословной. Если я узнаю что-то

новое о Фрамполе, я постараюсь Вам сообщить. Конечно, я хотел бы приобрести Вашу книгу, она занимала бы достойное место в моей домашней ветеранской библиотеке. Я высылаю копию статьи о Фрамполе, которая есть в моей книге: «Жизненный путь парня из Подолии». Статья называется «Мое родное местечко Фрамполь».

Итак, я дал короткие ответы на вопросы, поставленные в Вашем письме. Если я узнаю что-то новое о родословной Вашей семьи, постараюсь Вам сообщить.

Прошу извинения за плохой почерк, в настоящее время меня подводит мое плохое зрение. Фронтовые раны дают о себе знать.

Желаю Вам крепкого здоровья, всех земных благ Вам и Вашей семье и активного долголетия!

С уважением, Исаак Зейфман.
30.01.2008 г.
Нью-Йорк

Уважаемый Исаак!

Надеюсь, вы получили мою книгу и сможете поближе познакомиться с моими скромными заметками о Вашем родном местечке. К сожалению, у меня сохранились только обрывочные воспоминания из папиных рассказов, а он, будучи с 1920-го года, уже ушел из жизни (в 1991 г.).

В настоящее время мы вместе с еще одним потомком фрампольцев — Р. Геллером, (его родственники — фрампольцы Дайчманы и Авербухи) готовим для публикации списки фрампольцев, убитых в Ярмолинцах на основе всех источников, не хочется никого пропустить, но очень непросто объединить все списки, которые у нас есть. В Яд-Вашем всего 50 листов от потомков фрампольцев. Есть еще и много фамилий в Книге Памяти, вышедшей в Хмельницкой области и целый ряд других источников.

У меня остаются вопросы, которые помогут нам в этом деле. Я попробую их задать:

С какого Вы года? Думаю, что в еврейской школе (возле синагоги ?) Вы учились вместе с моим отцом. Сколько было учеников в школе, классе?

Папа в 6—7 классе учился в украинской школе, меня интересует, была ли она в Савинцах или в Сосновке, где еврейские дети доучивались.

Вы писали о своих более 50-ти погибших родственниках из Фрамполя. Для наших списков было бы важно получить их имена, профессии и т. д., так как очень непросто разобраться с различными источниками.

Я знаком с Михаилом Даниловичем Лахтерманом (он помог мне при поездке во Фрамполь), знаю и вижу, что и у него отец погиб во Фрамполе, я еще не послал ему книгу, да и, может, у него есть фамилии погибших друзей своего отца. Если у Вас есть, пришлите его адрес.

Может, у Вас есть довоенные фото класса, Харламба или кого-то из Ваших родных, они нужны для сохранения памяти при публикации, нельзя ли получить копии фото.

По моим данным Ньюма(Наум) Харламб, сын Исаака Иосифовича остался жив. Он в 1944 составлял списки утерянного жилья и домовладельцев в местечке. Где Вы жили после войны?

Спасибо, Михаил.

Здравствуйтесь, уважаемый уралец, господин Фрейдер Михаил Саневич!

Сообщаю, что Вашу книгу «Мудрость печали» получил. Книга не только богата мыслями философского характера. Вы вложили титанический труд по сбору фактажа, также очень богат фото-иллюстрационный материал. Ваши родственники, которые в основном жили далеко от фронта, сумели сохранить богатые семейные альбомы. Вы очень удачно использовали альбомы для написания такой прекрасной книги. Ваша книга займет достойное место в моей домашней библиотеке.

Читая Вашу книгу, я представляю себе какой титанический труд Вы вложили в её написание, по-видимому, надо владеть таким искусством, чтобы написать такую богатую семейную историю. Признаться, я перечитывал дважды Вашу интересную книгу.

Что касается раздела «Путешествие по Подолии», Вы удачно вели журнал путешественника. Когда я получил письмо от Михаила Даниловича Лахтермана, он написал мне о Вас. Выслал мне несколько фотографий Вашего путешествия по местечкам Ярмолинского района и фотографии, где на одной Вы, Михаил Саневич, держите дощечку с надписью: Фрамполь (Frampol), ныне переименованный на с. Косогорка.

Коротко о себе. Я родился во Фрамполе 5 мая 1920 г. В 1940-м 28 июля после окончания Тульчинского учительского института был призван в ряды Красной Армии.

В 1941-м, в марте, наш кавалерийский корпус был переведен в г. Старокопачин. Я написал письмо и родители приехали ко мне в гости. Вскоре началась Великая Отечественная война.

В 1944 г. я посетил мое родное местечко (штетеле) Фрамполь. Посетил в районе ст. Ярмоленцы место, где были расстрелены евреи Фрамполя, Шаровки, Ярмолинцев. посетил казарму, где трое суток держали мучеников перед расстрелом. От местных жителей я узнал о мучительной смерти наших родных.

Я очень Вам благодарен за фотографии и репортаж о Фрамполе и Ярмолинцах. Я, когда написал свою книгу «Жизненный путь парня из Подолии», использовал отдельные фрагменты из Вашего репортажа о Фрамполе, Ярмолинцах, Каменец-Подольском.

После демобилизации продолжал работать по своей профессии.

В 1994 году мы эмигрировали в США. Сейчас участвую в общественной работе, возглавляю Манхэттенский филиал ветеранов Американской ассоциации ветеранов — выходцев из бывшего СССР. Я решил сделать фотокопии отдельных разделов и выслать Вам. Я очень благодарен Вам за присланную книгу. Желаю Вам и Вашей семье крепкого здоровья, счастья, благополучия и активного долголетия.

С праздником Пейсах (Pesach).

С уважением, Исаак Зейфман.

Нью-Йорк

8 марта 2008 г.

Летом 2008 г. Исаака Зейфмана не стало. Ему было 88 лет. Возможно, это был один из последних уроженцев еврейского Фрамполя, бывший уже не в юношеском возрасте в начале войны.

19 октября 2009 г. ушел из жизни журналист Манус Ядушливский.